

Предпосылки и причины маньчжурского кризиса

Япония – островное государство бассейна Тихого океана, где в 1936 г. проживало 70 млн. человек, ежегодный прирост населения составлял 1 млн. человек. Площадь Японской империи составляла 675 тыс. км², из которых обрабатывалось 5,8 млн. га земли, что занимало 16% от общей площади собственно японских островов¹. Говоря иначе, Япония имела населения всего лишь в 1,7 раза меньше, чем в Соединённых Штатах Америки, но должна была прокормить его с сельскохозяйственной площади меньшей, чем самый маленький сельскохозяйственный штат США – Южная Каролина (равный примерно по площади Японии)².

По мнению В.Е.Хохлова, для решения проблемы избыточной плотности населения есть два пути: миграция, либо определённая колониальная политика государства. Именно поэтому, начиная с середины 1920-х гг. во внешнеполитическом курсе Токио все большее значение приобретало маньчжурское направление. Эти территории были крайне важны для Японии как огромный рынок сбыта, важный источник сырья и полезных ископаемых, в частности: железная руда, уголь, соевые бобы³; вместе же с ресурсами Северного Китая и Внутренней Монголии Маньчжурия имела значительные запасы вольфрама, магниевых руд, золота, а также производила нужные армии хлопок и шерсть⁴.

Кроме того, немалое значение приобретало и широкое поле для вывоза капитала. В 1930 г. японские капиталовложения в Маньчжурии составили 73% всех иностранных капиталовложений, остальные 23% падали на долю СССР (КВЖД)⁵.

¹ Хохлов В.Е. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. С. 113.

² Там же.

³ Коен Дж. Б. Военная экономика Японии. С. 37.

⁴ Жуков Е.М. Японский милитаризм. С. 123.

⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). С. 240.

По утверждению В. Аварина, японские капиталовложения в Маньчжурию достигали 1,5 млрд. иен и приносили в среднем в год 35-40% прибыли, т.е. около 500 млн. иен ежегодно⁶.

Однако ещё в 1929 г. мировая капиталистическая экономика ощутила на себе первые симптомы кризиса, вступившего во второй половине 1931 г. в новую фазу – коллапс финансово-кредитной системы, сопровождавшийся тяжелейшими потрясениями на денежных рынках⁷. Для Японии, которая оказалась на третьем месте после США и Германии по остроте кризисных явлений, это имело тяжелейшие последствия.

Правительство Хамагути, возглавлявшего кабинет министров с июля 1929 г., не могло справиться с кризисом, стремительно теряя авторитет в различных слоях японского общества, преимущественно среди военных, что для Японии было особенно важно. Не добавляло популярности правящему кабинету и заметное (на 52 млн. иен) сокращение военных расходов – с 495 млн. иен в бюджете 1929/30 финансового года до 443 млн. иен, запланированных на 1930/31 г.⁸. Но это были далеко не все претензии, накопившиеся к гражданскому правительству у касты военных.

Наиболее радикально настроенные круги офицеров обвиняли правительство ещё во многих «грехах»: упадке и разрушении ещё недавно процветавшей империи; в неспособности руководить страной и справиться с кризисом; в отказе от долговременной экспансионистской внешней политики, провозглашённой в эпоху императора Мэйдзи после революции 1868 г., и пресмыкательстве перед иностранными державами; в намерении путём международных

⁶ Аварин В. Независимая Маньчжурия. С. 51.

⁷ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае... С. 40.

⁸ Павлов П. Вооружённые силы Японии С. 181.

соглашений об ограничении вооружений подорвать боеспособность японской армии и флота⁹.

Именно в свете последнего обстоятельства выглядит весьма закономерным покушение на премьер-министра Хамагути, совершённое в ноябре 1930 г., в результате которого глава правительства был ранен (как оказалось впоследствии – смертельно) словно бы в отместку за одобрение подписания Лондонского морского договора. Кабинет Хамагути подал в отставку 13 апреля 1931 г., в связи с очевидной неспособностью премьера выполнять свои обязанности (тот скончался в августе 1931 г.). Чтобы достигнуть компромисса между отдельными фракциями, старейшие члены партии Минсэйто предложили избрать главой правительства Вакацуки, бывшего председателя партии и премьер-министра Японии в 1926-27 гг.

В его второй по счёту кабинет вошли министры из кабинета Хамагути. Генерал Угаки, подавший в отставку в качестве военного министра, принял назначение генерал-губернатором Кореи, когда подал в отставку адмирал Сайто. Граф Утида заменил г. Сенгоку в качестве президента огромного промышленно-транспортного концерна под названием «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания» и в качестве председателя правления фактически являлся «некоронованным королём Маньчжурии»¹⁰.

Эти два назначения, а особенно последнее (поскольку больше половины акций ЮМЖД принадлежало японскому правительству) рассматривались в Японии в качестве шагов, направленных к установлению более полного контроля в Маньчжурии. Кабинет Вакацуки в лице, главным образом, министра финансов Инуэ, стремился понизить государственные расходы, чему противились несколько министров – в частности министры военный и морской¹¹. Судя по имею-

⁹ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931-1945 гг. С. 26.

¹⁰ Аварин В. Независимая Маньчжурия. С. 52.

¹¹ Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии. С. 222.

щимся в нашем распоряжении некоторым цифрам, снизить военные издержки действительно так и не удалось. Подобные статьи расходов в 1931/32 финансовом году выражались в сумме 455¹² (по другим данным – 454,6¹³) млн. иен, что составляло 30,8% от общего бюджета Японии, который к тому же стал дефицитным.

Данные цифровые характеристики практически совпадают (454,5 млн. иен военных расходов и 30,8% от общего бюджета Японии) и подтверждаются архивными материалами, в частности, донесениями советской военной разведки, содержащимися в № 4 (за апрель 1933 г.) «Военно-политического бюллетеня», выпускавшегося iv -м (Разведывательным) Управлением Штаба РККА¹⁴. Для сравнения предыдущий, сведённый с положительным балансом 1930/31 год, оказался несколько более скромным в своих тратах – 443 млн. иен издержек на армию и флот и 28,4% от бюджета соответственно¹⁵. План военных властей об увеличении размеров вооружённых сил в Корее и Маньчжурии и об увеличении воздушного флота, таким образом, мешал осуществлению программы экономии¹⁶.

Между тем именно весной 1931 г. силовому решению маньчжурского вопроса стало отдавать предпочтение всё большее число японских военных. Этому способствовало несколько обстоятельств: пик антияпонской антиколониальной политики и пропаганды в Маньчжурии и гоминьдановском Китае; экономический кризис в Японии; многочисленные жалобы японских переселенцев, недовольных притеснениями со стороны маньчжурских властей и выступавших за создание автономного или независимого от Китая монголо-маньчжурского государства; занятость иностранных держав

¹² Любимов Н.Н. Финансы фашистских государств. С. 46.

¹³ Болдырев Г.И. Финансы Японии. С. 208.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 127. Д. 369. Л. 5.

¹⁵ Любимов Н.Н. Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Квигли Г. Указ. соч. С. 222.

своими внутренними проблемами: на Западе – разгар мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., в СССР – развёртывание первой пятилетки¹⁷.

Главная причина среди указанных была связана с антияпонским и в то же время объединительным курсом китайских властей в Маньчжурии, который к тому времени уже стал совершенно неприемлемым для японских властей, поскольку угрожал вытеснением Японии из этой провинции¹⁸.

Весной 1931 г. нанкинское правительство объявило о необходимости возвращения Китаю всех арендованных территорий, концессий и специальных прав в Маньчжурии, включая Дайрен, Порт-Артур и Квантунскую область. В то же самое время делегаты конференции в Мукдене потребовали от правительства Чжан Сюэяна вступить в переговоры с Токио о восстановлении китайских прав ни много ни мало на ЮМЖД.

С 1919 г. на части Ляодунского полуострова в Маньчжурии (область Гуаньдун, в западной транскрипции – Квантун), до Первой мировой войны являвшейся германской колонией, были дислоцированы японские вооружённые силы – так называемая Квантунская армия. Её подразделения насчитывали всего около 11,5 (по другим сведениям, порядка 10^{19} или $10,4^{20}$) тыс. солдат и офицеров²¹. В соответствии с японскими оперативными планами, эта армия в случае возникновения чрезвычайно обстановки должна была перейти в наступление против Северо-Восточной армии Китая, которая, к слову сказать, в то время насчитывала до 300 тыс. солдат²².

¹⁷ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Богатуров А.Д. Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930 - 1940-х гг. С. 25.

²⁰ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 41.

²¹ Жуков Е.М. Указ. соч. С. 116.

²² Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 25.

Здесь стоит отметить утверждение А.С. Савина о том, что ещё в сентябре 1930 г. в штабе Квантунской армии приступили к разработке плана захвата Маньчжурии²³, хотя В.П. Сафронов, на наш взгляд, более обоснованно полагает, что отправной точкой в разработке захватнических планов Квантунской армии в отношении Маньчжурии следует считать июль 1929 г.²⁴ Также А.С.Савин, придерживается, вероятно, ошибочного мнения о том, что наиболее активную роль в подготовке агрессии играло Общество цветущей вишни (Сакурайкай)²⁵, в состав которого в мае 1930 г. входило 150 «молодых офицеров» во главе с майором Хасимото.

Но как показывают многочисленные исследования японских и иностранных историков²⁶, маньчжурский инцидент был запланирован и осуществлён под руководством группы честолюбивых офицеров, прежде всего командира 33-го пехотного полка Квантунской армии, а с 1931 г. начальника разведывательного отдела штаба Квантунской армии полковника Итагаки (будущего военного министра в 1938-1939 гг.), видного военного теоретика подполковника Исивары (Исихары)²⁷, и, также, вероятно, при определённом участии полковника военной разведки Доихары, ставшего известным уже позднее благодаря громкому прозвищу «японский Лоуренс»²⁸.

В июле 1929 г. по инициативе Исивары в Квантунской армии была создана специальная исследовательская группа по изучению вопросов управления оккупированными районами Маньчжурии.

²³ Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. С. 26.

²⁴ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 23.

²⁵ Савин А.С. Указ. соч. С. 26.

²⁶ См. например: Ferrell R.H. The Mukden Incident: September 18-19, 1931. P. 69-70.

²⁷ Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933-1945 гг... С. 9.

²⁸ Ferrell R.H. Op. cit. P. 69-70.

Вопреки официальной позиции генерального штаба Японии, Итагаки и Исивара считали захват Маньчжурии единственным средством решения проблем, назревших вокруг неё за последние годы. Их точка зрения, видимо, была следствием упорного неверия в результативность мирных дипломатических методов, получивших название «негативной» дипломатии или «дипломатии Сидэхары», по имени японского министра иностранных дел в 1924-1927 и в 1929-1931 гг. барона Сидэхары.

Позиция центральных военных ведомств в Токио по маньчжурской проблеме в это время стала постепенно меняться, в том числе и под давлением Квантунской армии, в пользу её силового решения, хотя единства в их рядах по-прежнему не было. Во многом именно поэтому сотрудники разведывательного департамента генштаба, придерживавшиеся наиболее близкой для группы «активистов» из Квантунской армии точки зрения на маньчжурский вопрос, в июне 1931 г. провели вместе с представителем штаба материковой армии секретные переговоры. В ходе них было достигнуто соглашение о необходимости подготовки оккупации в Маньчжурии уже в октябре того же года, увязывая эти действия с подготовкой военного переворота в Японии в том же месяце²⁹.

Таким образом, становится ясно, что разница в сроках оказалась ключевым пунктом трений между радикально настроенными военными, служившими в Квантунской армии и генеральном штабе и выдвигавшими тезис о скорейшем захвате провинции, и несколько более умеренными в своих взглядах офицерами ведомств, расположенных преимущественно в метрополии, и полагавшими вполне возможным проведение более спокойной и неторопливой политики в отношении силового варианта развития событий.

Такая осторожность обосновывалась с одной стороны как внутри-, с другой также и внешнеполитическими

²⁹ Сафронов В.П.С. 30.

факторами. Что касается первых, то олицетворением духа пацифизма были гражданские члены кабинета Вакацуки, и в первую очередь министр иностранных дел Сидэхара, весной 1931 г. публично возложивший ответственность за возникавшие для них трудности в Маньчжурии и Монголии на самих же японских поселенцев, высказываясь в том смысле, что те сначала создают проблемы, демонстрируя национальное превосходство перед китайцами, а затем обращаются за защитой к японским властям³⁰.

Внешним же сдерживающим фактором В.П.Сафронов, в частности, считает вероятную реакцию СССР на оккупацию Маньчжурии. Некоторые военные, принадлежавшие к армейской верхушке (например, начальник генштаба Каная), не были полностью убеждены в благоприятном отношении Советского Союза к возможному вторжению в Китай, в противовес взглядам, скажем, военного министра Минами и его единомышленников, практически уверенных в том, что «Россия ничего не предпримет»³¹.

В августе-сентябре 1931 г. тайная подготовка Квантунской армии к оккупации Маньчжурии вступила в решающую стадию. Было создано специальное диверсионное подразделение, которое должно было обеспечить исполнение провокации, служившей сигналом к началу вторжения. Диверсия на ЮМЖД, по плану Итагаки и Исивары, намечалась на 28 сентября.

9 сентября с помощью военных самолётов над крупными городами Японии были сброшены листовки, агитировавшие местное население в пользу поддержки интервенции в северо-восточные области Китая. Примерно в то же время в Мукден из Японии морем была переправлена тяжёлая артиллерия, и незадолго до 10 сентября (или даже именно в этот день) совершенно незаметно для китайских войск была

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же.

завершена установка орудий³². Впоследствии этим практически полным достижением эффекта неожиданности при нападении особенно гордился полковник Итагаки, позднее поведавший своему коллеге, что применил военную хитрость, приказав своим подчинённым на все вопросы любопытствующих о проводимых солдатами работах отвечать, что они-де копают колодезь³³.

Подобные «водопроводные» работы, возможно, так и остались бы нехитрой, но тем не менее, вполне пригодной выдумкой предприимчивого японского штабиста, но «шила» в маньчжурском «мешке» утаить оказалось практически невозможно. 14 сентября в генеральный штаб поступила телеграмма из Порт-Артура от начальника штаба Квантунской армии Мияке, в которой говорилось о том, что в регионе складывается достаточно взрывоопасное положение, в связи с чем генерал запрашивал компетентной помощи от военных чиновников высокого ранга, способных разобраться в ситуации непосредственно на месте³⁴. Можно предположить с большой долей вероятности, что трудности начались ещё летом и генерал Мияке в некотором роде пожинал те плоды, которые были посеяны ещё раньше сторонниками вооружённого решения всех накопившихся в Маньчжурии противоречий.

Такими «плодами» с привкусом пороха могли быть периодические столкновения китайских военнослужащих, противостоявших провокациям японских и корейских военных. Наиболее известным происшествием, бесспорно, является «бойня Накамуры». Именно так с лёгкой руки японских газет стали именовать арест и затем расстрел в июне 1931 г. группы из четырёх японцев во главе с армейским капитаном Накамурой С., имевших несчастье оказаться в штатской одежде в тех труднодоступных областях Маньчжурии, где им как будто бы совсем нечего

³² Ferrell R.H. Op. cit. P. 71.

³³ Ibid.

³⁴ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 36.

было делать и отнюдь небезосновательно подозревавшихся гоминьдановскими властями в военном шпионаже³⁵.

Тем временем нанкинские (и не только) руководители начали о чём-то догадываться. В частности, маньчжурская администрация и её лидер Чжан Сюэлян, распорядились свернуть антияпонскую кампанию на территории провинции, проявлять крайнее терпение и выдержку, дабы ни в коем случае не применять по отношению к японским подданным силовые методы воздействия и даже посадила под арест китайского офицера, ставшего «крайним» за инцидент с капитаном Накамурой³⁶. Более того, 11 сентября уже сам Чан Кайши категорически запретил воинским соединениям в Маньчжурии вступать в какие бы то ни было столкновения с частями Квантунской армией и что ещё важнее, гарнизону Мукдена был отдан приказ о сдаче оружия³⁷. Видимо, китайский диктатор слабо надеялся на то, что требование не поддаваться на японские провокации будет выполнено.

В то же время, на первый взгляд, выглядит достаточно странной точка зрения А.Д. Богатурова, указывающего, что уже после инцидента Чан Кайши отправил телеграмму маршалу Чжан Сюэляну телеграмму, в которой охарактеризовал действия японской армии как заурядную провокацию³⁸. Хотя, с другой стороны, далее весьма справедливо отмечается возможная причина подобного поведения лидера Гоминьдана, заключающаяся, вероятно, в том, что он, учитывая внутреннюю слабость Китая, считал крупномасштабную войну с Японией губительной в силу неспособности китайских вооружённых сил противостоять японским на поле боя³⁹.

³⁵ Ferrell R.H. Op. cit. P. 67.

³⁶ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 38.

³⁷ Там же.

³⁸ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 25.

³⁹ Там же.

Как впоследствии стало известно благодаря японскому консулу Морисиме, так или иначе, 15 сентября 1931 г. министр иностранных дел Сидэхара получил телеграмму от японского представителя в Мукдене генерального консула Хаяси, утверждавшего, что Квантунская армия концентрирует свои силы и, вероятно, в ближайшее время предпримет военную акцию, и ссылавшегося, в том числе, на некий источник (на командира патрульного подразделения, предположительно – роты японской армии) в Фушуне, якобы заявившего, что «в течение недели должен вспыхнуть крупный инцидент»⁴⁰. Судя по всему, у генконсула были и другие, более надёжные источники, исходившие от которых сведения также подтолкнули его к отправке столь тревожного донесения.

Сидэхара незамедлительно поставил в известность премьер-министра Вакацуку и уже вместе они решительно надавили как на начальника генерального штаба Канаю, так и на военного министра Минами, напомнив последнему в том числе и о его разговоре с императором Хирохито 11 сентября, в ходе которого монарх выразил свою озабоченность состоянием дисциплины в армии и неодобрение заявлений и действий радикально настроенных молодых офицеров, критиковавших внешнюю политику Японии за её слабость⁴¹. Обоим генералам ничего не оставалось делать, кроме как принимать срочные меры по предотвращению самоуправства со стороны не в меру ретивых офицеров Квантунской армии.

В качестве эmissара был выбран начальник оперативного отдела генштаба генерал-майор Татэкава, по иронии судьбы, как было установлено позднее, если и не принимавший сам участие в заговоре Итагики и Исивары, то как минимум вполне осведомлённый об их намерениях и, что самое главное, о сроках исполнения задуманного⁴². Генерал

⁴⁰ Ferrell R.H.Op. cit. P. 70.

⁴¹ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 36-37.

⁴² Ferrell R.H.Op. cit. P. 70-71.

незамедлительно оповестил другую часть заговорщиков из числа сотрудников разведывательного департамента генерального штаба, а те уже позаботились специальными телеграммами сообщить об изменении обстановки своим единомышленникам в штабе Квантунской армии и уведомить о прибытии Татэкавы в Порт-Артур (где и помещался штаб территориальной армии) 19 сентября⁴³.

Заговорщикам пришлось в спешном порядке менять свои планы, ранее предполагавшие более поздний срок начала операции, но теперь выступление было назначено на вечер 18 сентября 1931 г. Всю ответственность и руководство брали на себя подполковник Исивара вместе с полковником Итагаки, не ставя в известность командующего Квантунской армией генерала Хондзё⁴⁴.

Что касается генерал-майора Татэкавы, то он благополучно оказался в Мукдене уже во второй половине дня, переодетым в штатскую одежду⁴⁵, (в которой, тем не менее, был всё равно узнан), однако отнюдь не собирался передавать стоп-приказ военного министра Минами командованию Квантунской армии.

Список источников и литературы

1. **Аблова Н.Е.** КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.
2. **Аварин В.** «Независимая» Маньчжурия. М., 1934.
3. **Аурилене Е.Е.** Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-1950-е гг.). Хабаровск, 2003.
4. **Богатуров А.Д.** Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930 - 1940-х гг. М., 1998.

⁴³ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 37-38.

⁴⁵ Ferrell R.H. Op. cit. P. 70-71.

5. **Болдырев Г.И.** Финансы Японии. М., 1946.
6. **Жуков Е.М.** Японский милитаризм. М., 1972.
7. **Квигли Г.** Правительство и политическая жизнь Японии / Пер. И. Звавича. Предисл. Л.А. Зархин. М., 1934.
8. **Коен Дж.Б.** Военная экономика Японии. Сокр. пер. с англ. М., 1951.
9. **Любимов Н.Н.** Финансы фашистских государств. М., 1939.
10. **Павлов П.** Вооружённые силы Японии // Япония (сб. статей) / Под ред. А.А. Белкина. М., 1934.
11. **Российский** государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 127. Д. 369.
12. **Савин А.С.** Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979.
13. **Сафронов В.П.** СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931-1945 гг. М., 2001.
14. **Сиратори Т.** Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933-1945 гг. / Сост., перев., вступ. статья и коммент. д.полит.н. Молодякова В.Э. М., 2008.
15. **Хохлов В.Е.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. СПб., 2005.
16. **Ferrell R.H.** The Mukden Incident: September 18-19, 1931. // The Journal of Modern history. Vol. 27. No. 1 (Mar. 1955).pp. 65-72.